

Константин Латыфич

ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРЬЕРЕ

(книга в стихах)

Москва

2007

Совместный издательский проект
клуба «Классики XXI века»
и серии «Русский Гулливер»

поэзия

основан в 2007 году

Руководители проекта *Вадим Месяц*
Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление *Владимира Сулягина*

Латыфич Константин

Человек в интерьере. Книга в стихах / Серия «Русский Гулливер».
/Литературный клуб «Классики XXI века»; М.: Изд-во Р. Элинина, 2007 —
59 с.

ISBN 5–86280–056–5

© Латыфич К., 2007
© Тавров А., 2007
© Сулягин В., оформление, 2007
© «Русский Гулливер», 2007
© «Классики 21 века», 2007

Об авторе

Константин Латы́фич родился в Самаре в 1966 году. Возводит родословную к боснийским хорватам, что отразилось в некоторых его стихах. Служил в армии, работал на заводах, стройках. Учился на филологическом факультете Самарского университета. Сейчас работает в журналистике и ведущим на Самарском радио. Печатался в региональной периодике в журнале «Перформанс», на сайте «Литературный аръегард». Творчество Латыфича сочетает традицию как вневременной источник обновления смыслов с интересом к проблеме бытийности и социального бытования человека в современном мире. Любимые авторы — Данте, Вергилий, Боратынский, Пушкин, Мандельштам.

Предисловие

Испытание цезурой

Родословный след Константина Латыфича тянется в Хорватию, откуда родом его отец. Родословное древо поэта вырастает в почву самую фантастическую из всех черноземов на свете. Именно здесь колдовал и околдовывал знаменитый граф Дракула, а в двадцатом веке родился не менее загадочный персонаж — Никола Тесла, чернокнижник от электричества, считавший эту энергию живым существом, заговаривающей ее до того, что она, перелетев из Америки в Сибирь, вызвала в тайге космических размеров катастрофу, которую мы знаем под именем Тунгусской. Светящиеся бабочки, вдохновенные и озаренные заговоренным электричеством, порхали вокруг гениального хорвата на манер светляков, как по преданию — вокруг святой Жанны д'Арк. Эти же места укрывали наибольшее количество самозванцев, претендующих на российский трон. По определению самозванец — это тот, кто занимает не свое место, и пришел не в то время. В этом смысле, помимо политических самозванцев на Земле всегда существовали те, кто опередили свое время и пришли «не на свое место». (Самые знаменитые из них — Моцарт (как его воспринимал Сальери) и Христос, которому это обвинение было прямо предъявлено.

Самозванцы, как не странно, вкоренены в традицию больше других — опознанных и пришедшихся к «месту и времени» современников. И поэзия Константина Латыфича, прямо обращена на золотой культурный пласт (ныне выбракованный легкой и игровой, матерной и скандальной современной поэзией, которая доминирует как пришедшаяся кстати, ко времени и к месту), — пласт с которым поэт чувствует кровную связь. Это Данте, Т. С. Элиот, Вергилий, Гомер, Проперций.

Из русских — Державин, Баратынский, Вяземский, Пушкин, Фет Анненский, Мандельштам, Ахматова...

Его поэзия сразу же заставляет насторожиться. С одной стороны самые казались бы заурядные городские пейзажи с их бытовой фабричной и конторской реальностью, с другой — великолепная античность. У каждого настоящего поэта есть свой секретный взгляд на вещи, под которым они оживают и преображаются. Для Латыфича это — техника цезуры, известной большинству, прежде всего, как ритмическая пауза внутри строки, о которой Пушкин говорил, что любит ее на втором слоге в пятистопнике. Но для Константина Латыфича цезура — космична. Она покидает строку и встраивается в ухо, глаз, таз, бедро, в ахиллесово сухожилие и во все стихотворение, в идущую к за-пределу пяту. Его цезурное виденье обладает свойством остановить время, истощить его придурочный бег, в котором танцуют укусенные тарантулом скорости почти все столицы мира. Скорость зрения, по утверждению Поля Вирильо, возросла благодаря технике настолько, что время-пространство превращено в опасного врага («виден, значит уязвим»). Кажется, время социума отныне обладает почти однородной, без пауз, массой, по форме виртуальной, по сути — фиктивной. И еще, конечно — де-сакрализующей пространство мгновенностью достижения, отменяющей святую наполненность и постепенность путешествия и узнавания, медленного чтения, поэтапного освоения пейзажа при помощи ритма — уже и не коня, и не ступни, и не автомобиля даже, но подзорной трубы, компьютера, телескопа, телевизора. Скорость сняла святыню, вращение которой в пейзаж, сквожение которой сквозь человека и интерьер было для великих поэтов бытийственной аксиомой.

Цезура — инструмент поэзии Латыфича, которым событие или пейзаж испытывается на бытийность, на возможность нефиктивного существования. И вот городские пейзажи и урбанистский социум кривятся в цезуре, гримасничают и теряют свою «важность», а бытийностью явно обладают не свершения, а детали. Неторопливая бытийность струится через них, подсвечивает их изнутри, и в этом есть нечто дзенское. Яблоко, слово деда, жизнь человека, спрятанная как ручей, глубоко в сокровенном русле. Все «устремленное», «важное», престижное, политически значимое встречи с цезурой не выдерживает — кривится и исчезает, ибо — не бытийно. Цезура книги работает по отношению к миру, как Минос — отсеивающий кому в Ад и в какой круг,

а также как ключарь Петр-апостол: а тебе, сестра-вещь, вещество-слово, место — в райском нетлении, в Свете.

И вот я вижу, как в точке баланса, во вневременности, дырке от бублика, в цезуре Латыфича. внешнее время продолжает течь, а внутреннее время стихотворения, существующее собственной тягой и упором, — тогой, створом — останавливается, как лодка на бурном пороге, оперевшись в камень, и волны бытового времени — переплескивают через нее, а она великолепно стоит, вращая в черепашью вневременность, а заодно в историю Энея или яблока. Собственно, из такой остановленной беготни, из паузального вещества вне времени и пространства и состоят лучшие «самозванные» стихи поэта, как, кстати, и основные вещи вселенной.

Андрей Тавров

СТАНСЫ

Как распознать верней
вкус серебристой мыши?
Это всего трудней —
собственный голос слышать.

Шепот он или крик?
Только одно тревожит —
он ли и есть язык
дня, что еще не прожит?

Собственный календарь
без последней страницы —
он ли и есть букварь,
что понимают птицы?

Он ли есть тот конвой,
что, прибегая к звуку,
организует в строй,
и берет на поруки

каждый растущий плод —
цитруса, яблонь, груши?
Каждый затерянный плот,
ищущий долго суши?

Каждый полет шмеля,
каждую рощу, ельник,
пеночку, коростеля —
он ли есть тот поделник,

который не спросит: «Дашь?»
Ему ли сказали: «Можно

портрет, натюрморт, пейзаж
стягивать осторожно?»,

чтобы крепнуть в ответ.
И, устремляясь к цели,
и через сотни лет
считывать дни недели,

но не назад, а вверх!
И, подмечая разность,
всех векторов и вех, —
собственную благодарность

вымолвить. Произнести:
«Так и должно, так надо..»
Пусть и распад кости
необратим, но ряда

спасенных однажды слов,
как для движения брови
или же рта углов,
так и биения крови —

хватит тому, кто нем,
по городам блуждая,
фразы, обрывки тем
в арию преображая,

обмолвится: «Все трудней
собственный голос слышать.
Как распознать верней
вкус серебристой мышцы?»

ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА

1

Шатались меж твердью и твердью
и ждали своих похорон,
когда за разменную медью
протянет им руку Харон.

А ты за лучом удалялся.
И сад величин приближал.
И луч тот сливался, сливался
в единственный дикий кристалл.

Нечуем — невидим — нетронут
смотрел на него поутру.
И долго сжимающий ворот
трещал на восточном ветру.

2

Ось не слышна еще, но все ж не сбита.
Стол деревянный, и под сукном —
долгое, нежное, почти открытое,
руку саднящее — волокно.

* * *

Соната Брамса. Переполнен зал.
И вот на миг — тревожное затишье.
И взмах смычка, и воздух задрожал,
как в ожиданье восьмистишья.

И снова все цветы заговорят,
как в строчках незабытого поэта.
И тонкий звук — что нить поводья,
напомнит стих для нового сонета.

* * *

Вернись ко мне с прохладой каналов,
венцианских улиц продолженье,
которые впадают, словно реки,
бульжными мерца мостовыми,
в прозрачную и длительную память.
Я снова вижу рябь Большой лагуны
и голубей над площадью Сан-Марко.
И в воду опрокинутое небо.
И вереницу черных кораблей.
И вот сейчас со звуком Альбинони,
таким же неуверенным и зыбким,
как утренних каналов отраженье
в витринном — чуть забрызганном стекле,
появятся и Веспер золотистый,
с которого уже слетела сажа,
и дож в гондоле с юной догарессой
все будут плыть неведомо куда.

* * *

Надежда отлетает невзначай,
как мотылек от приближенной лампы.
На кухне остывает крепкий чай.
И наполняются стаканы граппой.

И хочется чтоб, грея, тлел камин
И рядом был знакомый собеседник.
Но лампа чертит профиль и один
лишь контур — мой единственный посредник.

И тень все так же двигает рукой.
И ловит звук, от тела отраженный.
Я слушаю — то ль это голос мой,
то ль бредит силуэт замороженный.

Он говорит, что берег не найду,
от берега родного удаляясь.
Прогулкой по нетронутому льду
все время уменьшаясь, уменьшаясь.

АВТОПОРТРЕТ

Лицо, затертое мелом на полотне,
сходно с явлением мысли, которой не
удается быстро войти в слова.

И тогда понимаешь что ты — едва
лишь заметный контур судьбы в конце,
мелом затертый спереди — на лице.

В АРМИИ

1

«Я на жестком снегу и предвижу бросок,
растираю замерзшие руки.
За мою спиной материться «кусок» —
предводитель военной науки.

Это вовсе не доблесть. Я отнюдь не герой.
Не стяжаю лавров Сигурда.
Просто память нахальная просит порой
эпизода из пьесы абсурда»

2

«Для того, чтобы петь,
недостаточно встать.
Для того, чтоб взлететь,
нужно трижды упасть.

Для того, чтобы строить, —
нужно что то ломать.
Для того, чтоб иметь, —
нужно что то терять»

Так банальностью строк
учащается ритм.
Надевает сапог
молодой херувим.

И выходят под свист
на расчерченный плац
старшина Ференц Лист
и святой Розенкранц.

ПАМЯТИ ДРУГА

Саше

Прощанье — есть повод для встречи.
И мы не расстались, а ты
напомнил недолгою речью
с далекой своей высоты,

что жизнь холодна, как бумага,
в которой нет слова *люблю*.
Пустая железная фляга.
Отрезок, сведенный к нулю.

И встреча — не повод к разлуке.
Спасибо за этот урок.
И память — есть теплые руки,
сведенные молча — в замок.

ДЕДУ

Садился на нагретые ступени.
А в это время яблоко по крыше
скатилось и упало на колени...
Вдруг стало тише, стало еще тише...

Так неожиданно и так закономерно.
И неизбежной рая или ада
пейзаж, чье продолжение нетленно
лишается участливого взгляда.

* * *

S

Душно, я знаю, но дай Бог, припомнятся
годы, когда не страдали бессонницей,
или неожиданный звонок.

Долгий, как просьба от гостя полночного:
«Скоро придет, не послать ли челночного
за угол в ближний шинок?»

Или винила скрип респектабельный —
«Yesterday», «T.Rex», плюс самый читабельный,
но запрещенный роман.

Это не месть уходящему времени
ибо оно есть давленье на темени,
с ним и отправимся в стан,

где мы бесплотны, но все ж повторяемы —
взвинчены, резки, подчас невменяемы
и отзываемся тем,
кто, призывая в спасение Господа,
бродит бездомно чрез марево города,
жалуясь небу, что нем.

* * *

V

В марте ветер сильнее, чем в феврале
теребит на балконе белье, и с пустынных крыш
продолжает сметать снег. И на всей земле
нет ни единой живой души. Покуда спишь.

Человек одинок оттого, что ищет тень
тела, к которому давно привык.
И встает с постели, преодолая лень,
длинные строчки писем записывая в черновик.

Кто это в темноте машет ему рукой?
Кто это там подсказывает, как движется земля?
Он к шершавой подушке припадет щекой,
видя лишь только мачты тонущего корабля.

А потом, поднимая веки, глотая слюну,
верит, что сон есть тот же великий блеф
ибо не узнан мир, а познав войну
(прежде — с самим собой), не излечишь нерв.

Холодно. И за окном туман.
В эту пору всегда ощутима нехватка теней.
Одиночество видится как океан,
только без рыб. Для него больней

в сотни раз, когда чей то взор
припадает к нему, словно к вычищенному стеклу.
Если кто-то рядом глядит в упор,
хочется сжаться, скрючившись на полу.

Кто это в темноте машет ему рукой?
Кто там опять подсказывает, как движется земля?

«Доктор Фрейд, вы не приносите мне покой,
думая, что вдалеке — это тоже я!»

Что это? В городе тот же снег.
На столе те же вещи. И едкий дым
вьется под потолком. Ускоряя бег,
строчки ложатся. И молодым

остается лицо, коль зеркала не врут,
но фотографии бессильны остановить
время, которое, словно сына Брут,
отправляет на смерть. И, теряя нить

связной мысли и презрев покой,
взгляд наблюдает снова со стороны...
Кто это в темноте долго машет рукой?
Кто о вращенье земли рассказывает из-за спины?

РЕПЛИКИ С МЕСТ

1

«Нескоро жизнь приходит новая,
смотрю насилие по ящику.
А где и новая — херовая.
Давай из прошлого подсказчика.
Приди, любовь определенная.
Приди, страданье настоящее.
И помогите удивленному.
И помогите уходящему.
Он, уставая от стараний,
кричит, от времени стареющий,
«Прощайте годы выживания
эпохи, тела не имеющей!».
Здесь только мода — сострадание.
И повсеместная агония.
И в разговорах об отчаянье
всегда присутствует ирония»

2

«Как хорошо от узнавания
спасает выправка спортивная.
К сему прикладывай старания,
и будет жизнь перспективная.
И переборет страх — презрение
к заботам мелким, обывательским.
Все беды лишь от неумения
болтать с судьбою по-приятельски.
Давай — кажись всем накрахмаленным
и подчиняйся в деле старшему.
То лучше, чем сказали б: «Раненный!»
Или причислили к уставшему.
Не стоит враждовать с эпохой,
к себе обиду затая.
Пусть обретает счастье легкое
солёный привкус бытия».

ЧАПЛИН (НОВАЯ СЕРИЯ)

Доллар скачет, скачет, скачет.
Громко брокеры кричат.
Человечек мелкий плачет,
но ему не сообщат,
что по мысли режиссера
(он известен всем давно
под личиной прокурора) —
так закончится кино,
чтоб под смех, аплодисменты
выставлялись напоказ
неуклюжие моменты,
неуместность общих фраз.
Чтоб под топот полицейский,
спотыкаясь о бордюры,
человек бежал за феской
или шляпкой от кутюры.

* * *

Затихло в жилых корпусах.
На улицах звуки умолкли.
И вновь на него небеса,
как прежде, направят бинокли.

И вроде волнуется грудь,
желая довериться чуду.
И можно сказать себе: «Будь!»
Но он отвечает: «Не буду!»

* * *

Полуулыбка ниткой.
Цепкость белой руки.
Мысль от вещей отмыта.
Вздохи неглубоки.

И новизна диоптрий
не обновляет взор.
Та же все бледность копий.
Сотканный раз узор.

В гипс отливает память —
школу, детсад и проч.
То же способно маять
ГИБДД и дочь.

Чтобы начать вторжение,
чтобы разрушить твердь —
все привести в движение.
Все разменять на медь.

Так, отменяя нормы —
груз от прошедших лет,
тихо сгорает форма,
но оставляет цвет.

* * *

В детстве пугался Бабы-Яги
после прочитанных сказок.
Во двор выходя, надевал сапоги,
чтобы казаться спецназом.

Мечтал изучить тэквандо, каратэ.
Артикулируя : «Гений!», —
Выстраивал собственный pr?t-a-porter
суммою мелких движений.

Завтрашний день все казался щитом.
Нынешний — меньше полушки,
ежели слезы глотались гуртом
из-за отобранной клюшки.

Новая не наступала стезя.
Вечное длилось «сегодня».
Вечный приказ к исполнению: «Нельзя!»
«Можно семью, но не сводню».

Читан роман и разгадан кроссворд.
Чтоб не кончалось движение —
есть на тарелке еще бутерброд.
Есть «Новостей» продолжение.

Свыше привычка нам Богом дана.
Бог все рисует мелкими.
как человек сидит у окна,
нервно тряся кулаками.

ИЗ МОНОЛОГОВ ОБРЕМЕНЕННОГО

1

«В темном подъезде двери квартир —
наглухо. Окна со шторкой.
Свет отключен и не топлен сортир.
В кухне погасла комфорка.

Виден лишь мячик — белеет в углу.
А рядом с ним и салазки.
В валенках мальчик сидит на полу —
слушает мамины сказки.

«Цепь золотую сдали в ломбард.
Кот отпускает остроты».
То не фольклор, а, скорее, поп-арт
про голден-рыбку и шпроты.

Новый Емеля щучий приказ
распространяет в газетах:
«Сформировать семигномный спецназ.
Весть приносить на ракетах».

Не поменялся порядок вещей.
Угощаясь горящими шами,
чахнет над золотом старый Кашей,
твердь подпирая плечами».

2

«Я жду приказаний. И неприхотливо
живу в однокомнатной. В этом гнезде
проснуться одетым, прихлебывать пиво
гораздо важнее, чем близость к звезде,

которая, будто бы, над Палестиной
взошла, указуя мечтателям путь.
Но путь от меня до нее слишком длинный.
Глазам на нее слишком больно взглянуть.

Посмотришься в зеркало, губы сжимая, —
модель и художник, Орест и Пилад.
От низа до верха, от края до края —
единственный облик, которому рад!»

3

«Вот я покажу вам за несправедливость!
За краткость суждений о свойствах лица.
С жестокостью сходна такая правдивость,
когда, уточняя, твердят без конца, —

что лицам пригодна такая гримаса,
где губы готовы для слова «люблю».
Что лучше не видеть кино Тинто Брасса.
Что нищим придется давать по рублю.

Пусть сыпется в прах мировой гекатомбой
порядок, где я есть и жертва и жрец.
О, как же к лицу мне при данном апломбе
фасонный, удобный терновый венец!»

4

«Вот-вот осознаю — мой нос и мой глаз...
И тут от начальника взбучка.
Как только подумаю — пишу вот Указ, —
ломается вдруг авторучка.

И леди Годивы не ведал я суть.
И не надевал виц-мундиры.

Мне нравилась в шлепанцах — полная чуть —
соседка из пятой квартиры.

При ТВ программах, где рвется фугас,
идет продолжение сражения —
я веровал, веровал, что в этот час
я занят его управлением.

И люди боялись. Как будто бы я
и в правду стремился к Мадриду.
Приставили, замысел свой не тая,
и слева и справа по гиду.

Мы с гидами едем в трамвае шестом.
И он не найдет остановки.
А я все кричу: «В человеке простом
вы видите часть расстановки!»

И мой паладин не направит коня
в березово-пальмовы дали...
Эх матушка, мама...Зачем же меня
Акакием I назвали?»

* * *

Гороскопы с газетных страниц
он читает как будто скрижали.
Призывая святых и блудниц
чтоб те слева и справа лежали.

Для себя, а тем паче для всех
мерой жизни считает кукушку.
И не веря в свой личный успех
утыкается носом в подушку.

Тихо плачет: «Пропал поводырь.
И его не потрогать руками.
Как слепец я иду на пустырь.
Точно шашка в игре с поддавками».

УЛИСС

«Трижды три — девять» — школьный гуру шарил по стертой доске указкой.
А он все спрашивал: «Почему?»
Но никто не давал подсказки.

Год за годом, будто входя в музей,
или, разглядывая витрину,
он всегда и всем представляясь: «Ничей»,
предметы складывал в законченную картину.

Утром «Gillete», «Aquafresh», «Old spice».
Матовый отблеск зеркальной полки.
И приказ отражению: «Не отдавай!»
И с цветного постера взгляд креолки.

Дальше по расписанию — вход в метро,
офис, мебель из Швеции по каталогу.
Человек в интерьере — конец всех рго
и contra, что были того прологом.

Так подтверждалась формула: «Трижды три».
Верениц движений кончалась лента.
И «Polaroid» шелкает — изнутри
подчеркивая важность сего момента.

ЕЩЕ МОНОЛОГ

Душа хотела б быть звездой...

Ф.Тютчев

«На стуле служебном восемь часов
сажу, словно овощ на грядке.
Пасьянс до обеда — вот мой часослов.
Играю со временем в прятки.

Как радостно быть увлеченным игрой,
ни разу не вспомнив о смерти.
Мобильник — единственный друг вестовой
пиликает рядом с предсердьем.

Вот курсы валют и погоды прогноз,
а вот и знакомых советы.
И все для того, чтоб от страха не мерз,
прочтя некрологи в газетах.

Скорей заслониться от небытия,
держа пред глазами таблоид.
Скорей позабыть, что я — это я,
сгорающий как астероид.

И больше не быть по привычке собой,
отдав постороннему эго.
Душа не желает быть новой звездой,
но хочет быть собранным Lego».

ПЕРЕКЛЮЧАЯ КАНАЛЫ

«Если я часть целевой группы,
отъединившийся на несколько часов
со стаканом чая, то, конечно же,
вам следует ради моего тщеславия показать
чаемые мною мечты, мысли,
нереализованные планы в кристаллизованном
в моем подсознании образе продукта потребления.
Будь то пакет молока, жевательная резинка или
кандидат в президенты Российской Федерации.
Ваше стремление радует, поскольку
в течение нескольких минут я узнаю о возможности
приобрести для личных целей самого себя.

Здравствуйте господа! С новым вас мертвецом,
которого сотворили мы все, превратив историю
в увлекательную игру в стрелялки.
Одно лишь нажатие пальца на курок автомата
или телевизионного пульта — и человек исчезает,
как стертый ластиком карандашный набросок,
сделанный без нашего участия, и замысел которого
мы так и не поняли. Зато есть повод произнести тост
за способность побеждать, не вставая с дивана.
За способность ни за что не отвечать,
уповая лишь на судьбу и неверно составленный гороскоп,
опубликованный в утренней газете.

Лучше смотреть за футболистом, поскольку он
один из немногих, кто может доказать,
что спонтанные явления привлекательны.
И Аристотелев катарсис наступает не тогда,
когда олимпийцы делают свой трагический выбор,
но когда мяч залетает в ворота. И гвалт стадиона

способен подтвердить, что жив Дионисий, а значит есть надежда на то, что начнется новый виток спирали Шпенглера. А прошлый — останется лишь музеем восковых фигур, на которые можно смотреть, но возле которых нельзя оставаться. Иначе можно стать одной из них».

* * *

Палец левой руки трет обеденный стол.
Муха садится на хлеб — еще один день прошел.
Лоб — на правой ладони, не открывая век,
на кухне пьяный молится человек:

«Расскажи мне о своих планах — я о них ничего не знал.
Кто объяснит мне то, почему я именно сюда попал?
Если бы мои родители не встретились, разве б я был — такой?
Так же ли на этом месте присутствовал бы кто-то другой?

Объясни мое истинное положение среди этих вещей.
Газовой колонки, трех табуреток, стола и вчерашних щей.
Истинно ли я слышу то, что сейчас говорю?
Правильно ли я учился читать по школьному букварю?

То к чему я привязан — моя выдумка или явь?
Если все это я выдумал — пожалуйста, меня поправь.
Приведи к общему знаменателю результат нашего совместного
труда.
Согласуй со мной, и ты увидишь — я могу быть свят иногда...»

А сосед, сидящий напротив отвечает: «Ну-ну.
Попиздели сосед, давай отходи ко сну.
Завтра долгий день — по последней — иди приляг.
Я пошел, закрывай. До завтра. Пока. Напряг».

ОСТ. «СОЛНЕЧНАЯ»

Начиналась зима кривотолками.
И метель цинковала углы.
Вот и съехались волки за елками,
и грызут и кромсают стволы.

Ну, а мы — в не побеленном тереме,
на квадратном разбитом полу.
Мы считали, что здесь то — намеренно
трется рай о рябую скулу.

Двери скрип, поворот выключателя.
Уравнительный, длительный свет.
И ведет санитар обывателя,
чье лицо не имеет примет.

И ведет вдоль дверей до кровати.
И крестом начинает вязать.
Обыватель готов для объятия.
Он готов, что придется не спать.

Переброжена вязкая брага.
Рядом вздохи — прощение шлют.
И системы шуршащая влага
Отдает свой последний салют.

MILLENNIUM

Там жив ты, Дельвиг мой...

Е. Баратынский

Снежные хлопья в окна летят,
будто в строку междометья.
Ночь наступает, люди не спят —
новое тысячелетье.

Люди не спят. В небесах фейерверк.
Ахают где-то хлопушки.
Это надежда на дружбу навек
Полишинеля с Петрушкой.

Буде же, будь мой не вывихнут стих.
Молча, не выдавив стона,
сообразим свой вокзал на троих,
словно китовый Иона.

Век номер двадцать делал калек.
Смерть там оскалилась пастью.
В шкафчике старом висит человек —
насмерть заебанный властью.

Видит ли там — нигилист, эрудит
что-нибудь вроде иконы?
Мистер Джон Леннон с плаката глядит
с миссис, конечно же, Оно.

Листает ли Сартра? Читает Адорно?
Тянет портвейн или виски?
Лишний билетик нашел ли в кино,
где говорят по-английски?

Сравнивай, сравнивай свой променад
с дамой, что бродит со шпичем.

С тем как сословный бросает свой взгляд
в небо под Аустерлицем.

Плачет ли Бог при подсчете цыплят
после желания блага?

Снежные хлопья в окна летят
и намокает бумага.

НОЧЬ ЭНЕЯ

*Какие пристани, Эней,
найдешь ты взором пристально прилежным?*

М.Кузьмин

На шкуре медвежьей, покрывшей жесткое ложе,
он не заснул в эту ночь, когда отшумели пиры
в честь Геркулеса. Прохладу лишь чувствуя кожей,
долго глядел в потолок, пытаясь припомнить дары,

что возносил на алтарь Юпитеру или Юноне.
Мать Киферею просил поведать о благостном дне
или о ночи, когда бестелесно к Дидоне
снова он сможет вернуться, сгорая в таком же огне,

что и она, золой развеваясь по ветру
и осыпая, как снег почерневший, родной Карфаген, —
соединиться с землей, успокоиться — новому метру,
новым стихам давая прорвать этот плен

времени. Он странник его и заложник,
не засыпал в эту ночь, когда отшумели пиры.
Долго дымился стоящий у входа треножник
и разгонял во все стороны тучи слепой мошкары.

— Здесь ли мой дом? — вопрошал человек одинокий. —
Старый Анхиз, расскажи, если слышишь прилив.
Много ли жертв предстоит принести, чтобы город далекий
стал настоящим, собою весь мир заслонив?

Или напрасно по воле богов уничтожена Троя
и Палинура навеки сокрыла собой глубина?
И не в мечтаньях ли я эти замки воздушные строю,
все пребывая в объятиях долгого сна?

Или давно я убит и лежу возле стен Илиона,
и не мои корабли бороздили пустые моря...

Нет.. не отделаться легкой мыслью... — Дидона
снова врывается в память, вслух обо мне говоря.

Значит, со старого вяза в обители Дита пустынной
тихо слетают виденья, подобно пристрастной молве,
и возвращаются вспять такой же дорогою длинной,
и оставляют прохладой след на больной голове».

Ночь италийская быстро прошла середину,
и над чужими холмами неярко светила луна.
Тевкры уснули, и только один — испарину
С влажного лба утерев, все думал о том, что вина

неискупима и город сей будет разрушен
племенем диким, хоть снова потом вознесен.
«Чьей же я воле так был безраздельно послушен?
Или теченьем каким на сей берег пустой занесен?

Видно тот край, что границей прозрачной и зыбкой
неотделим от меня, а продлен от стигийских болот
до элизийских лугов, позволяет мне с полуулыбкой
сравнивать с тем, как по морю сплавляется плот,

то преступление, что кто-то под видом Энея
все продолжает свершать, доверившись воле богов,
и возвратиться к Ливийскому берегу не смея,
ищет для битвы все новых и новых врагов.

Я же к тебе, мой Анхиз, дорогой незримой и темной,
словно в пустыне ночной, с поникшей главою иду.
Верю, что встретимся. Около Трои сожженной
тьенья твою среди пепелища найду».

Встала Аврора над Тибром, и гасли последние звезды.
Редкий туман над водой согревали дневные лучи.
И просыпались солдаты, не помня ненужные грезы,
к новым походам готовя свои боевые мечи.

* * *

В. Л.

На горячем песке
я под древней сосною укрылся.
И стучало в виске:
отболел — не свихнулся — не спился.
И речною волной
словно в первый раз умывался.
Повтори же за мной:
«Ты остался — остался — остался».

Что тебе подарить
за извечное честное слово? —
Ариаднину нить,
даже если ни пищи, ни крова.
Если, как ни крути,
не отмеряно больше полвека.
И не просят зайти.
Если смерть не страшней человека.

Но ведь ты не забыл,
что вернулся из Дантова ада...
Как же ты полюбил
ту ограду Летнего сада!
И всегда сии типы
оставляют пред взглядом чужого
белый мрамор и липы
прообразом века золотого.

Это понял ты?
Да! И лучше... А больше — не надо
Я в альбом твой не клею листы
Петербургского сада.

Строфы — выше разлук
и безумного транса.
Вот еще Баратынский...
И весь я — строка из романса

пошлого.
Но все же звук от тростинки
дальше сдувает пылинки
пришлого,
чтоб стать незаметным и вещим.
Не навязчивым, друг, не навязчивым
и не зловещим.

КОЛЛАЖ

Мысль зажигается внезапно,
как будто бы софит в театре,
и вот опять ползет кулиса,
и виден мир из декораций,
что расставляют полукругом
какие то чужие люди.

Но вот опять меняют свет,
и наш герой на авансцене
сидит, уставившись в пространство,
и снова слышит тихий звук.

(Так я подобное звучанье
в пустой и сумрачной квартире,
как ненаписанную ноту,
как звон пустого хрусталя,
далекого, как точка в небе,
что ночью кажется звездой,
как приговор о смерти слышу).

И оставляет черный мел
на белом ватмане полоску.

Но вдох сильнее окончания,
так долго тянущейся пьесы,
что создана была не нами,
и с веком канула вовне.

Герой уходит за кулисы,
и вновь меняют освещение,
и, продолжаясь без героя,
уже не сумрачная драма
меняет созданный им звук.

И точно также легкий ветер
уносит старые газеты.

И горизонт есть перспектива
еще не созданной страны.

«Надежда завтрак, но не ужин»,
но есть тупик и продолжение,
когда опять открыта строчка
и снова пишутся стихи.

ЛАБИРИНТ

Памяти отца

ПОСВЯЩЕНИЕ

Последний выдох — электрошок.
И ты уходящим бросаешь вслед:
«Смотри на это, учи урок
о том, что в теле твоём скелет.

Что фразы в скобках стоят давно.
Что здесь помножен рай на ад.
И между ними есть знак «равно».
И каждый круг заключен в квадрат».

Если сумеешь — ты там узнай,
как отвечать на вопрос: «Зачем?»
Я конспектирую — продолжай.
Я без подсказок пребуду нем.

1

Я верю, что каждая вещь — слово
и что каждое слово — вещь.
А мы
не достроили идеальный лабиринт
с одним входом возле меня, другим — возле тебя,
пройдя по которому каждый своей дорогой,
мы должны были встретиться в центре,
с удивлением обнаружив,
что никакого Минотавра нет и в помине.
Что мы его выдумали только лишь из-за боязни
услышать друг от друга: «Да, это ты...»

Страх конечной остановки
оказался сильнее желания до нее дойти.
И теперь, пытаясь стряхнуть
налипший на стекло памяти рисунок,
где видимы только пластиковые трубки,
по которым течет формалин,
склонившийся человек — в белом халате,
констатирующий: «Вот поэтому...»,
беспользные склянки с лекарствами,
стоящие на шкафу в комнате,
сдавленной заостенелой тишиной,
я заново перезагружаю программу,
чтобы обнаружить причину ее сбоя.
Попытаемся разобраться вместе...
Попытаемся понять.

2

Лаий снимает галстук.
А в это время над ухом, успевшим остыть,
черный рупор сквозь звуки фокстрота и танго
пропускает высокий диктующий голос.
Металлом звенит речитатив, сообщая
бесстрастный и срочный приказ:
«Вас вызывает Юпитер!
Иди же скорее туда, где ты был,
когда начинался твой путь,
навстречу с ослепшим потомком».
И снова — холмы.
Вершины скрывают от взора
стучащий о берег прибор.
В горах он неслышен.
И снова, как прежде, на пашнях вокруг городов
военное сеяно просо.
Солдаты растут из земли.
Их крик оглушает пространство.

Все стороны до горизонта — лишь каски и рты.
И диагональ автомата из каждого делает дробь —
один разделить на один.
Один разделить на один — будет ноль.
«Стремиться к нулю!» — вещает приказ командиров.
«Ты снова здесь, Лайй.
Ты снова на кадмовом поле.
Ты снова всю попытку надеждой
обязан один пережить.
Чтоб жить было можно»

3

«Я взглянул окрест,
и сердцу потребовался кардиостимулятор.
Я готов *не быть*, но хочу окончательной ясности.
Чтобы у всех причин были следствия,
и у всех следствий были причины.
Если война есть следствие мира,
значит мир — есть причина войны.
Земля появилась из моря.
И там было то,
чего мне не достичь никогда.
Где бликует отсвет караульных огней,
где прожектора бьет полоса,
где вдоль нитей стальных, что под током,
спотыкаясь, бежит человек,
и где с башней сторожевых слышен голос: «Нельзя!»
«Там, — шептала мне мать, со скрипом крутя кофемолку, —
там на берегах иллирийских
то, что называли мы деревом — деревом было,
река называлась рекой, и в этой реке
бьющая в ногу форель называлась форелью.
Мог ты на склоне стоять каменистом,
и, не спросив: «Почему?» и «Зачем?»,
слышать треск созревающих слив,

тихий шорох растущих корней,
ветвление бука и тиса».

Фотография, сделанная в детстве,
с самого края поджигается тем, кто ее сделал.
И плывущий наискосок огонь
покрывает запечатленный пейзаж
расплавленными язвами.
И внезапно подувший ветер
черной свастикой закручивает к небесам
остатки пепла.

Черные свастики вместо звезд —
это выдох сожженных.

Белый бинт на глаза!
Белый бинт на глаза!

И на ощупь по горным тропам,
не надеясь встретить вожакого,
мне остается дойти до того места,
которого никогда не было.
Которого никогда не будет,
ибо там есть
лишь оглушительное солнце,
заново освещающее лица,
которых уже нет,
но которые хочется удержать
не изменившимися,
застывшими,
смотрящими в упор,
и с одобрением говорящими:
«Иди, иди..»

Там я буду один —
в центре круга,
который стерилен».

4

«Смотри, — кричала толпа, — Человекобог!»
«Этот тот, кто распял себя сам
вниз
головой».

5

На перекрестке трех улиц
он надевает очки.

Ночь наступает.
Над входом в метро
красный слоган «Живи без надежды!»
пульсирует в памяти, словно сирена,
и пока турникет
со всхлипом глотает монету, —
увлекает в воронку остатки того,
на чем взгляд задержался когда то.

По эскалатору — вниз.
К поездам до платформы «не важно какой».
Здесь он сам выбирает названья.
Ибо цель — не нужна.
На табло — sms:
«Желанье» — таблетка от страха».

«Обретайте свободу, сгоняя излишний вес!»
«Смерть — смотрите по телевизору»,
«Плачьте по тамагочи»,
«Меняйте свой труд на секс».
«Пи-артесь любовью к ближнему».

«Бог — это цветомузыка,
которую настраиваешь сам.

То красным, то синим,
выхватывая из мрака
шепчущую «Твоя»,
официанта, несущего чай,
Колизей, пирамиды,
Анды или Канары.
Все это только твое.
Главное — не умирай.
Заполни паузу совокупленьем.
Ты — это только ты.
Больше никто другой».

«Ты — это собственное хотение».

6

«Избавьте меня от того,
что хочу ежедневно.
Ибо желание, помноженное на желание,
приплюсованное к двум предыдущим желаниям,
и желание желать этого
заставляют мысль
двигаться по закольцованному лабиринту,
словно главный персонаж
обновляемой в режиме on-line
компьютерной игры.

Рулетка, вращаемая в казино.
Деньги на зеленом сукне.
Запотевшая бутылка «Pepsi».
Указательный палец,
подносимый к накрашенным губам.
Перламутровый отблеск маникюра.
Tatoо бабочки возле левой груди,
покрытой белой вуалью....

Отмечать все это эрекцией
для последующего приобретения.
Или приобретением
для последующей эрекции...

Множась через чаты,
удваиваясь через ICQ,
как зеркало, отраженное
в другом зеркале и смотрящееся
в третье зеркало, мысль теряет тело,
никому отправляя ответ:
«Наряжаю Бога подобьем себя
и встаю на место его».

7

На перекрестке трех улиц
с истинами, отлитыми в форме
Фаллоса и Юпитера —
встретились смерть со смертью,
довольные сами собой.

8

— Где ты?
— Я здесь.

Так колокол бьет —
стихающий гул,
сливая со звоном.

— Здесь...?
— ...это значит — «всегда»...
— ...был...?
— ....как и ты.
— Не знаю...

- ...не знали!
- Что там?
- Там — здесь.
- Как — *здесь*?
- Как здесь, так и здесь.
- И *что* есть?
- Есть я.
- А где есть....?
- ...ты? Здесь!
- А что же есть — «есть»?
- *Быть* здесь.
- И значит...?
- ...все время меняться местами.

9

Здесь мы нашли ту ось,
о которой уже писалось в стихотворении.
О которой все знают изначально,
но предпочитают умалчивать,
и, в конце концов, — забывают,
несмотря на ее шум —
тихий, словно шорох песка в часах,
и постоянный, как мысль о себе,
которая его заглушает.
Встретив друг друга,
друг друга мы не узнали.
Ты этот шум слышал,
но попытался забыть.
И это твое заблуждение.
Я об этом шуме знал,
но боялся открыть двери комнаты,
где, по сути, смотрел лишь на постеры.
И это моя вина.
Мы хотели комфорта сами в себе.
Но он невозможен.
Место встречи не названо.
Если я скажу, что это Бог,

то ты не поверишь.
А если ты скажешь, что это истина,
то я рассмеюсь.
Так закручиваются планеты,
собирая вокруг себя атмосферу,
и разлетаются в стороны.
И падает на поверхность каждой
лишь отраженный, рассеянный свет,
об источнике которого
мы можем только догадываться.
И расширяются между ними пространства,
грозя взрывом.
И в этом беззвучии
падают бомбы,
рушатся здания.
И диктору остается лишь повторять:
«Приштина» или «Бейрут».
Так закручивается спираль лабиринта
и сжимается каждый из нас.
И свет поглощается.
И тьма объяла его.

Но мы уже встретились.
И ты можешь сказать:
«Он терялся и снова нашелся».

И я: «Он уходил,
но вновь возвратился».
И слово «тополь» для нас
снова становится тополем.
И слово «река» —
становиться снова рекою.
И бьющую в ногу форель
опять называем форелью.

И не важно
на каком языке.

ПРОТЕЙ I

Как Менелай на Фаросе, я встретил тебя у моря.
Был тихий, не поздний вечер, и над водой закат.
Чуть золотились волны. Дубровник не ведал горя.
Был я, по малолетству, счастливее во сто крат.

Ты ж не среди тюленей, не еле бредущим старцем —
Ядрана I мерным плеском и чередой камней...
Ты согревал колени жестким песком, и с кварцем
первой звезды над замком пробормотал: «Протей...

...тем, кому нужен шаг лишь для угла пространства,
расширить руками воздух, общей судьбою стать,
я обращаюсь костром — нищее постоянство,
что все зовут прогрессом, я не способен дать.

Та перемена мест, связана только с треньем
мысли о край ландшафта, взглядом поверх земли.
И города бессрочно будут объяты тленьем.
Снова вернется войско, скрывшееся вдали».

Через пятнадцать лет, ночью в пустой квартире,
мирно клонясь над книгой, где молодой поэт 2
также сидел у моря, словно на званном пире
наедине с камнями, видя твой силуэт,

снова я слышал голос — как и тогда, негромкий,
сходный с рождением звука в капище тишины.
«Мысль о молитве долгой нисходит в другие сроки,
все звуки в гамме будут изменены».

¹ Так в Боснии, Сербии, Черногории и Хорватии называют Адриатику

² Стивен Дедалус из «Улисса»

Прерывисто — ты шептал мне, или, верней, — стаккато:
«Речь переходит в пенье, протуберанец в луч,
что осветит булыжник, крыш черепичных скаты —
вспомни Литву и Киев! — дверь запирай на ключ.

Жди! Ибо только губы, замершие в ожиданье,
будут всегда способны к речи наперекор
общим словам и Клио. Так, задержав дыханье,
ты обретешь способность выслушать приговор

снов, толкований чисел, сводок и прорицаний,
что повторяют хором клерки от правоты.
Ты же смотри и слушай. Лучше без восклицаний
запоминай, как слово создано из немоты.

Это есть дар Протея, данный как обещанье,
что сидя в домашнем кресле, глядя на срез луны,
сможешь увидеть то, что мнимые расстояния
между тобой и мною будут сокращены.

Спи же! Теперь ты знаешь: Время — нерастяжимо.
Рядом с тобой Эллада и теплота камней.
Плещет все то же море. К дому плывут дружины.
И Менелай на Фаросе ждет, чтоб пришел Протей».

ПРОТЕЙ II

S

«Снова приветствовал сад, который безлюден и темен?
Там уже нет строителя этого дома.
Дом покосился, и спилено много деревьев.
Битый кирпич и стекло, и разрушен забор деревянный.
И одиноко колонка стоит — к ней никто не подходит
свежей водою наполнить ведро, покрытое синей эмалью
с чуть облупившейся краской. Вода набегала на край,
как некогда на берег моря, если ведро поднимали,
ставя на старую плитку. И зажигали огонь.

Пар поднимался, и мокли беленые стены.
Быстро потело окно, что завешено рваной марлей.

Там за окном уже на зиму варят варенье,
яблоки все уложив перед этим в мешки и корзины.
Съемником плод доставая и шаря неловко меж веток,
ты раздвигаешь листву, и невидимый отблеск от солнца
греет несильно и брови, и лоб, и приподнятый вверх подбородок.
Тянет зажмуриться. Ты закрываешь глаза, и как раз в это время
плод попадает в сачок, и к лицу ты подносишь
теплый на ощупь анис и вдыхаешь запах того лепестка,
что давно уже сорван и унесен за дощатый забор
весенним порывистым ветром. Ныне же сонная одурь,
и можно прилечь под шафраном. Воздух здесь терпок и, словно
на чабреце и чуть-чуть на полыни настоян.
Ты — на спине, что сквозь майку траву ощущает.
Тени от листьев дрожат на лице, только ты их не видишь.
Мерно гудят, чтоб напомнить — сад не беззвучен! —
осы, и пчелы, и шмель — он садится в тарелку с вареньем,
мух разгоняя, что в воздухе снова столкнутся
и разойдутся опять, продолжая полет перекрестный.
В небе — ни облака. Тихо. Лишь стук молотка у соседей.

Звук радиолы вдали долетает до сонного слуха.
Изредка гул самолета ты слышишь чуть приглушенный
да стрекотанье кузнечика над разогретой травой.
Чуть попрохладнее станет — молочница с белым бидоном
стукнет в калитку и спросит: «Хозяева дома?»
После же то молоко, что снега белее,
в кружку нальется — запахнет и мятой, и сеном
(вернее — скошенным лугом за редкой недалеюю рошей).
И когда ночь наступает — сквозь ветви деревьев
свет от неполной луны до дома траву освещает.

Ты же пойдешь на веранду и глянешь на сад перед домом.
Сад уже темен, и в доме погасли все окна.
В небе полночном комета в бездонность сорвется.
Стрелки наручных часов закроют отметку двенадцать.
Левой рукой ты взмахнешь, чтобы сбросить усталость.
И загадаешь желание, сходное с временем этим».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе</i>	5
<i>Предисловие</i>	7
СТАНСЫ	10
ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА	12
«Соната Брамса. Переполнен зал...»	13
«Вернись ко мне с прохладой каналов...»	14
«Надежда отлетает невзначай...»	15
АВТОПОРТРЕТ	16
В АРМИИ	17
ПАМЯТИ ДРУГА	18
ДЕДУ	19
«Душно, я знаю, но дай Бог, припомнятся...»	20
«В марте ветер сильнее, чем в феврале...»	21
РЕПЛИКИ С МЕСТ	23
ЧАПЛИН (НОВАЯ СЕРИЯ)	24
«Затихло в жилых корпусах...»	25
«Полуулыбка ниткой...»	26
«В детстве пугался Бабы-Яги...»	27
ИЗ МОНОЛОГОВ ОБРЕМЕНЕННОГО	28
«Гороскопы с газетных страниц...»	31
УЛИСС	32
ЕЩЕ МОНОЛОГ	33
ПЕРЕКЛЮЧАЯ КАНАЛЫ	34
«Палец левой руки трет обеденный стол...»	36
ОСТ. «СОЛНЕЧНАЯ»	37
MILLENNIUM	38
НОЧЬ ЭНЕЯ	40
«На горячем песке...»	42
КОЛЛАЖ	44
ЛАБИРИНТ	46
ПРОТЕЙ I	55
ПРОТЕЙ II	57

Константин Латыфич
ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРЬЕРЕ
Книга в стихах

Совместный издательский проект серии «Русский Гулливер»
и литературного клуба «Классики XXI века»

Руководители проекта
Вадим Месяц
Елена Пахомова
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление Владимира Сулягина

«Русский Гулливер»
тел. 159-00-59
<http://gulliver.commentmag.ru/>
E-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Литературный клуб «Классики XXI века».
Издательство Р. Элинина.
Страстной б-р., д. 6 стр. 2, Москва
Чеховский культурный центр
www.klassiki21.ru/club

Подписано в печать 16.10.2007. Формат 84х108 /32.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.
Заказ № 1059

Отпечатано в типографии «Гриф и К».
Октябрьская ул., д. 81А, Тула